

Какъ у насъ завелись борзья.

то было давно, ровно 53 года назадъ. Въ ч—мъ уѣздномъ училищѣ лѣтомъ въ 5 часовъ вечера окончились послѣобѣденные уроки, ученики шумной толпой высыпали на улицу и кто какъ могъ бросились въ разсыпную, торопясь домой. Это народъ былъ все отъ 8 до 15 лѣтъ и едва ли было много идущихъ солидно, по крайней мѣрѣ я крѣпко торопился. Дѣло въ томъ, что, сидя въ классѣ и слушая, какъ товарищи отвѣчаютъ урокъ, я положилъ кусочекъ хлѣба подъ партой и караулилъ мухъ. Какъ только которая подходила къ хлѣбу, я, съ большимъ вниманіемъ глядя на учителя, ловкимъ, короткимъ взмахомъ руки ловилъ бѣдняжку и, придавивъ головку, клалъ въ бумажную коробочку. Послѣ уроковъ, забравши книги и мухъ, мчался, что было мочи, домой, гдѣ, не останавливаясь, хваталъ удочку, бутербродъ съ домашнимъ сыромъ и тѣмъ же аллюромъ катилъ на р. С—жъ ловить уклейку.

Но на этотъ разъ рыбачить не удалось. Только добрались мы до рынка, какъ навстрѣчу попался отличный борзой кобель, бѣлый съ желтыми пятнами; тутъ я забылъ о рыбѣ, а съ двумя дядями-однолѣтками, которые жили у моей матери и тоже учились въ училищѣ, принялись за собаку и общими силами доставили ее домой. Въ это время какъ разъ пріѣхали люди изъ деревни съ провизіей, и мы съ ними отправили свою находку.

Да не осудятъ насъ товарищи-охотники; пусть примутъ въ расчетъ тогдашнее время, нравы и обычаи и наши лѣта. Да, это было другое время! Я знаю случай, что дворовый человѣкъ, славный охотникъ, по своему желанію и съ раз-

рѣшенія барина отправился въ сосѣдній уѣздъ и ночью изъ подпечья людской избы укралъ пару знаменитыхъ гончихъ; притомъ надо имѣть въ виду, что на дворѣ были караульные, спавшіе у костра. Да и въ нынѣшнее просвѣщенное время теряются хорошія собаки. Одинъ Богъ безъ грѣха; а украсть собаку и теперь не всѣ считаютъ грѣхомъ.

Но всѣ эти доводы не могли бы служить намъ оправданіемъ, ежели бы намъ былъ извѣстенъ хозяинъ собаки; но всѣхъ охотничьихъ собакъ въ городѣ мы знали; а это была неизвѣстно чья, и мы сочли ее какъ бы заблудшею и поэтому рѣшились взять.

Прежде чѣмъ продолжать рассказъ, считаю необходимымъ для ясности дѣла познакомить читателя хотя отчасти съ нашей семьей. Дѣдъ мой, бывшій въ это время уже старикомъ лѣтъ далеко за 70, управлялъ большимъ имѣніемъ помѣщиковъ братьевъ Б—фъ, въ 30 верстахъ отъ г. Ч—ва. Кромѣ моего отца, умершаго раньше, имѣлъ еще отъ другой жены четырехъ сыновей. Изъ нихъ старшій А—ръ былъ поручикомъ инженеромъ путей сообщенія и жилъ въ В—скѣ, слѣдующій І—фъ, лѣтъ двадцати, жилъ въ деревнѣ при отцѣ и двое остальныхъ А—ій и Н—ай учились вмѣстѣ со мною. Само собою разумѣется, это были всѣ охотники. У старшаго дяди было два смычка гончихъ, съ которыми онъ на пари взялъ русака безъ выстрѣла, и три борзыхъ; съ ними онъ иногда пріѣзжалъ къ отцу отдохнуть и поохотиться. У Іосифа тоже было три смычка хорошихъ гончихъ; но борзыхъ по какому-то случаю не было. Оставался только одинъ крымскій «Соколъ», который бралъ зайца только на большомъ полѣ. Вотъ мы-то совсѣмъ неожиданно и помогли дядѣ І—фу завести борзыхъ.

Черезъ недѣлю, по приводѣ пойманнаго нами кобеля, нашелся его хозяинъ. Это былъ дальній помѣщикъ, знакомый дяди І—фа, обѣщавшій когда-то подарить ему борзую суку, но все не присылалъ; а теперь, чтобы выкупить лучшаго своего кобеля, пришлось обѣщаніе исполнить; поэтому онъ и прислалъ хорошую суку «Рѣззу»; осмотрѣвъ, дѣдъ нашелъ, что сука хороша, и, дѣйствительно, когда

дядя для пробы потравилъ стараго бѣляка,—она взяла его послѣ 2—3 угонокъ.

Не могу сказать: была ли «Рѣзва» приведена повязанною или повязали здѣсь; но только на другой годъ къ дѣду привели изъ разныхъ хуторовъ, куда были розданы щенки на воспитаніе, четырехъ молодыхъ борзыхъ, а пятый издохъ отъ чумы. Какія были качества на видъ, сказать не могу, потому что тогда я и понятія не имѣлъ ни о какихъ наружныхъ признакахъ; но послѣ оказались собаки добрыя, помню, что были рослыя и сильныя. Трое вышло гладкихъ, а четвертый, «Реванжъ», огромный, съ сильно выгнутой спиной и довольно длинной шерстью; особенно были большія псовины на хвостѣ и ногахъ.

Прошло нѣсколько дней и дядя І—фъ обратился къ намъ съ рѣчью.

«Ну, дѣти! выбирайте себѣ каждый по собакѣ, чтобы послѣ не было споровъ: съ какой кому идти на охоту; а себѣ я беру «Реванжа».

Не помню, какъ это случилось, но только А—ій взялъ «Быстраго», Н—ай суку, «Красотку»; а на мою долю остался «Пароль», добрая собака, которая въ работѣ оказалась далеко лучше этихъ, но въ то время больной. У него на лѣвой задней ногѣ, на ляжкѣ, была небольшая ранка, въ которой завелись черви. Увидавши такую бѣду, я чуть не заревѣлъ съ горя; но тутъ меня выручилъ Михайло.

— «Ничего, паньчу! не сумуйте *), а идишь до ключницы и попросишь трошки **) шпигинару» ***).

Когда я принесъ шпигинарь, Михайло связалъ «Пороля», положилъ на землю, залилъ ранку, а когда черви зашевелились и стали выползать, выбросилъ ихъ щепочкой вонъ, вымылъ ранку и залилъ распущеннымъ свѣчнымъ саломъ. Повторилъ ли онъ эту операцію,—не помню, но знаю, что ранка зажила и не имѣла никакого дурного вліянія на скачку собаки.

Опять приходится сдѣлать маленькое отступленіе; но не могу не поговорить о Михайлѣ.

*) Не горюйте.

**) Немножко.

***) Скипидару.

Дядя А—ръ, какъ-офицеръ, имѣлъ деньщика, хотя все не нуждался, такъ какъ держалъ трехъ наемныхъ людей и деньщикъ былъ совершенно лишній. Онъ былъ солдатикъ очень расторопный, но вмѣстѣ и плутоватый. Бывая у своего товарища, дядя замѣчалъ, что тотъ часто бьетъ своего деньщика. Дядя былъ человѣкъ очень добрый, и во всю жизнь никогда не ударилъ своего слуги, поэтому ему было очень тяжело при такихъ сценахъ.

— Скажи, пожалуйста, за что ты бьешь его?—спросилъ какъ-то дядя, не перенеся такого зрѣлища.

— Помилуйте, братецъ! Это такой дуракъ, что мочи нѣтъ: что ни прикажи, все перепутаетъ и перевернетъ.

— Такъ не хочешь ли помѣняться? у меня очень умный и толковый.

— Сдѣлай милость; буду очень благодаренъ.

Черезъ нѣсколько времени явился къ дядѣ этотъ денщикъ. Это былъ малороссъ самой чистой крови: неповоротливый, хладнокровный, плохо понимавшій по-русски; но человѣкъ, какъ послѣ оказалось, въ высшей степени честный и преданный.

— Честь имѣю явиться. Къ в—ію въ денщики присланъ,—отчеканилъ онъ, вытянувшись, какъ могъ, во фронтъ.

— Здравствуй, братъ!—встрѣтилъ его дядя;—а вотъ я тебѣ и работу дамъ. Тамъ спроси у кучера, онъ тебѣ укажетъ 7 собакъ; ихъ надо кормить, каждый день слать свѣжую солому, иногда купать или мыть, чтобы онѣ были всегда чисты. Больше тебѣ дѣлать нечего; захочешь работать, работай, а не захочешь—гуляй или спи. Начальства у тебя кромѣ меня не будетъ; приказывать тебѣ никто не можетъ и ты слушаться никого не обязанъ. Будешь исправно исполнять свою обязанность,—никто тебя не тронетъ и будешь жить спокойно. Понялъ, что я тебѣ сказалъ?

— Такъ тошно, в—іе!

— Ну, теперь ступай на кухню къ кучеру.

— Слухаю, в—іе. — И повернувшись налѣво-кругомъ, Михайло вышелъ.

И зажилъ Михайло у новаго начальника, какъ у Христа за пазухой. Дядя былъ человѣкъ не скупой, содержа-

нѣ людямъ было очень хорошее, какъ ни у кого изъ гг. того времени, такъ что люди, попавши къ нему на службу, никогда сами не уходили, и Михайло взялся для собакъ. Онъ ихъ очень полюбилъ, да и онѣ къ нему привязались; онъ кормилъ и холилъ ихъ, какъ дѣтей, и собаки выглядывали такъ чисто и весело, что всѣ любовались; а когда дядя прїѣзжалъ къ дѣду погостить, то являлся и Михайло съ собаками.

Для работъ въ огородахъ, саду и во дворѣ въ господскій домъ каждый день наряжались по нѣсколько парней и дѣвокъ; такъ что съ домашней прислугой, молодежи бывало всегда довольно, и всѣ они очень полюбили Михайлу, который часто исполнялъ роль музыканта. Когда послѣ обѣда, въ громадной кухнѣ, Михайло ложился на лавку въ передній уголъ спать, ему подавали охотничій рогъ и просили поиграть. Онъ бралъ рогъ, приставлялъ мундштукъ ко рту и начиналъ въ него напѣвать: «Ду-ду, ду-ду»; и подъ такой незамысловатый оркестръ, поднималась пляска. Такъ продолжалось, пока, наконецъ, Михайло клалъ рогъ на столъ, а самъ поворачивался лицомъ къ стѣнѣ. Кинутся къ нему дѣвки и начнутъ упрашивать:

— Михайлушко, миленькій, голубчикъ, подуки еще хотъ немножко!

Но на всѣ мольбы у него былъ одинъ отвѣтъ:

— Ни; годи! Спать хочу, — и тѣмъ дѣло кончалось.

Такъ прожилъ Михайло года четыре, до смерти дяди А—ра. Мнѣ потомъ рассказывали, что когда гробъ опустили въ могилу, Михайло вскочилъ туда, обхватилъ его руками и закричалъ:

— Засыпайтэ и мэнэ; нэ хочу житимэ безъ мого пана!

Конечно, его вытащили, но онъ все рвался опять броситься, поэтому пришлось связать, а когда положили на полъ, онъ началъ биться головою о доски.

Когда дядя умеръ, я былъ уже въ Москвѣ, въ институтѣ, и что было съ Михайломъ послѣ, не знаю.

Скоро наши молодые собаки пошли въ работу и оказались очень хорошими. Охотились мы такъ: на охоту дядя І—фъ ѣхалъ верхомъ, мы ѣхали въ телѣгѣ; гончія шли со-

сворованныя, а борзья бѣжали свободно. По пріѣздѣ на мѣсто, доѣзжачій съ гончими отправлялся въ лѣсъ; дядя І—фъ бралъ Реванжа на свору, а Рѣзва бѣжала свободно. Когда гончія гнали, она въ лѣсъ не бросалась, а шла впередъ, гоня полевъ, отлично выбирала лазъ и стоя смирно, выжидала зайца. Если онъ выходилъ далеко и шелъ въ ея сторону,—она припадала къ землѣ и, выждавъ въ мѣру, бросалась ловить. Рѣдко косою отдѣлывался благополучно; но разъ вскочилъ въ лѣсъ,—она сейчасъ же бросала его и возвращалась къ лошади. Мы, мелочь, брали каждый свою собаку на свору и отправлялись пѣшкомъ, такъ какъ по молодости лѣтъ, верхомъ ѣздить намъ не полагалось. Хотя мнѣ и Н—ю было по 12 лѣтъ, а А—ю 14, но уже мы настолько смыслили дѣло, что указывать и заботиться о насъ, надобности не было. Мы не дурно опредѣляли лазы и поспѣвали всюду. Правда, что и собаки помогали; бывало Пароль меня такъ тащилъ впередъ, что только успѣвай ноги переставлять.

Въ то время я не умѣлъ цѣнить нашихъ собакъ, и только много лѣтъ спустя, повидавши большія охоты,—отдалъ нашимъ милымъ собачкамъ справедливость. Приводилось мнѣ видѣть не разъ, какъ добрый русакъ отдѣлывался на просторѣ отъ десятка борзыхъ, вытянувъ ихъ въ нитку; а у насъ были другіе порядки: разъ заяцъ вышелъ на одного изъ насъ и онъ пустилъ свою собаку,—другіе пускать своихъ не имѣли права, потому что это его заяцъ, и собака его возьметъ, бѣлякъ или русакъ,—все равно, лишь было бы мѣсто. Вотъ мы и думали тогда, что каждая борзая обязана брать зайца въ одиночку.

Вся наша тройка какъ-то сразу начала ловить косыхъ, но съ Реванжемъ дѣло пошло иначе. Нѣсколько разъ дядя І—фъ травилъ Рѣзвой, а онъ стоитъ спокойно и смотритъ. Стали мы рассказывать дѣду, и онъ объяснилъ, что Реванжъ слишкомъ выросъ и вытянулся, а смыслъ у него поэтому и не развился; но это ничего не значитъ и изъ него выйдетъ добрая собака, и что это хорошій признакъ. И дѣйствительно, скоро онъ началъ гонять зайцевъ, но очень забавно: скачетъ рядомъ, повернувъ голову къ зайцу.

точно лошадь траверсомъ, а брать не беретъ. Наконецъ, дядя какъ-то стоялъ на небольшой полянкѣ въ лѣсу, слушалъ, какъ гончія дружно вели бѣляка и глядѣлъ въ ту сторону, откуда ждалъ зайца. Вдругъ Реванжъ рванулъ свору такъ, что дядя едва успѣлъ ее выпустить, а собака бросилась назадъ, гдѣ заяцъ чуть не прокрался; но маневръ не удался. Живо догналъ его Реванжъ, какъ-то ударилъ такъ, что заяцъ закувыркался впередъ и не успѣлъ подняться на ноги, какъ собака, не трогая зубами, накрыла его передними лапами и прижала къ землѣ. Подѣхавшій дядя принялъ зайца совершенно цѣлаго и живого. Съ тѣхъ поръ Реванжъ вошелъ во вкусъ и не сталъ давать пощады зайцамъ.

Что это была за собака, трудно вообразить! Хорошо скакали и другія; но если случалось, по приказанію дяди, пускать на хорошемъ полѣ всѣхъ собакъ, то Реванжъ бывало живо отдѣлится отъ всѣхъ и онѣ поспѣютъ уже только къ угонкѣ. И вотъ такая-то собака пропала ни за грошъ.

Надо знать, что мы охотились во время вакансіи, т.-е. въ іюлѣ и до половины августа, именно въ самое жаркое время; но выбирать времени не приходилось, потому что съ 20-го августа начинались уроки въ училищѣ и къ тому времени надо было быть въ городѣ. Вотъ какъ-то въ началѣ августа, часу въ одиннадцатомъ утра, когда мы собирались домой и вызывали гончихъ, онѣ подняли лисицу въ небольшомъ березовомъ перелѣскѣ, гдѣ трудно было и ожидать ее, и живо выставили въ поле. Мы были всѣ въ сборѣ, поле огромное и лисѣ дѣваться некуда, а приходилось катить впередъ. Чтобы испытать собакъ, которыя еще не видали лисицы, дядя велѣлъ пустить собакъ по одиночкѣ. Первый пошелъ Быстрый, А—ія; добрался до нее скоро, но не сталъ брать, а пошолъ рядомъ; да и лисица вдругъ остановилась, взмахнула хвостомъ, подпрыгнула на мѣстѣ, какъ бы играя; собака тоже остановилась, наставила уши и тоже замахала хвостомъ, а лисица опять тронулась дальше, и собака за ней попрежнему. Пустилъ Ни—й Красотку, дошла и та; но тоже не беретъ. Пустилъ я сво-

его Пароля и съ тѣмъ та же исторія; лисица играетъ съ собаками, да и толь^{ко}; но между прочимъ свое дѣло дѣлаетъ; играетъ, играетъ, а все подвигается впередъ, такъ что ушла уже далеко, сажень на двѣсти, но мѣсто ровное и намъ все отлично видно*). Тогда дядя пустилъ Реванжа. Этому пришлось скакать очень далеко, однако и онъ дошелъ; но тутъ лисѣ вышли плохія игрушки: какъ только Реванжъ поровнялся съ ней, сразу схватилъ ее за шиворотъ, протащилъ нѣсколько сажень, потомъ какъ-то взмахнулъ ее кверху и ударилъ о землю. Пустивши Реванжа, дядя и самъ поскакалъ за нимъ съ Рѣзвой, и когда подѣхалъ, то поднималъ лисицу мертвой. Когда мы приближались, то собаки лежали съ высунутыми языками, а лисица была приторочена къ сѣдлу. Но бѣдному Реванжу она обошлась очень дорого: онъ надорвался, захирѣлъ, и скоро послѣ нашего отбѣзда въ городъ, издохъ. Нечего и говорить о томъ, что мы поплакали о собакѣ.

Не могу не вспомнить о двухъ гончихъ изъ нашей маленькой стаи. Сука Висла, небольшая, черненькая, была замѣчательна тѣмъ, что разъ вошла въ лѣсъ, она уже не попадала на глаза и вызвать, пока не погонить, нечего было и думать. Случалось порядочно походить, не находя зайца, и вдругъ слышится гдѣ-то далеко ея тоненькій голосъ. Это значитъ, она подняла и надо тянуть къ ней всѣхъ, потому что она не броситъ. Другой, Дунай, оригиналь въ другомъ родѣ. Если, возвращаясь съ охоты, онъ шелъ на сворѣ, то велъ себя прилично; если же на свободѣ,—выдѣлывалъ такой фокусъ. Если люди попадали навстрѣчу, дѣло обходилось благополучно, но при видѣ человѣка, идущаго впередъ, онъ бросался за нимъ молча, догонялъ и со всѣхъ ногъ ударялъ его лбомъ подъ колѣнки. Понятно, что пѣшеходъ падалъ, а Дунай, поджавши хвостъ, возвращался въ стаю, гдѣ обязательно получалъ порку; но, видно, скоро забывалъ, потому

*) Много лѣтъ спустя я другой разъ видѣлъ такую же сцену въ Ярославской губернии, Мышинскаго уѣзда. Поле было небольшое, перегороженное во многихъ мѣстахъ изгородами, черезъ которыя охотнику съ лошадыю попасть было трудно. За лисицею шли четыре молодые собаки, а она играя съ ними и пробираясь отъ изгороди до изгороди, добралась до лѣса, гдѣ благополучно и скрылась.

что, при первомъ случаѣ, повторялъ ту же продѣлку. Когда и какъ онъ научился этому, я не знаю. Это была собака уже не молодая.

Весело было охотиться, да и было съ кѣмъ!

Борзья были хороши, да и гончія не плохи. Четыре были наши бѣлорусскія, черныя, съ красными подпалинами и подглазниками, а пара, Полканъ и Наяда, рыжія, очень большія, какой породы, не знаю.

Разъ мы отправились въ довольно большой лѣсъ съ болотомъ, не зная, что тамъ волчье гнѣздо, о чемъ полѣсовщикъ послѣ нашего отъѣзда пришелъ доложить, чтобы въ воскресенье сдѣлать облаву. Наши гончія нарвались на старика и кончилось тѣмъ, что пятеро пришли къ вечеру, а Полканъ на другой день около полудня, голодный и усталый, чуть добрался до дому.

Отъ Полкана и Наяды былъ потомъ щенокъ Шумила, тоже оригиналь въ своемъ родѣ. Гонять онъ сталъ мѣсяцевъ съ семи. Какъ бывало не запремъ, уходя на охоту, кончится тѣмъ, что вырвется, найдетъ насъ, подвалить въ стаю и гонить грубымъ басомъ. Къ году изъ него вышла громадная собака, по нагону былъ тяжелъ, не поспѣвалъ за другими, но гналъ вѣрно. Когда ему уже миновалъ годъ, нашихъ гончихъ попросилъ сосѣдній помѣщикъ на волчью облаву въ іюлѣ мѣсяцѣ. Мы на этой облавѣ не были, но потомъ намъ рассказывалъ Дмитрій, лакей, который ѣздилъ съ нами за доѣзжачаго. Гончихъ, кромѣ нашихъ, было еще порядочно, и когда эта орава заголосила, волки бросились въ рассыпную и были перебиты ружейниками, а одного молодого и перетока *) взяли гончія. Когда настигнутый волкъ садился къ дереву и щелкалъ зубами, собаки окружали его, лаяли, скакали, но брать боялись. Шумила по обыкновенію шель сзади; но когда доходилъ, то перескакивалъ черезъ собакъ и сразу хваталъ волка за шею; тогда бросались остальные и давили волка до смерти. Не могу припомнить, куда дѣвался Шумила, но только онъ у насъ былъ не долго.

Привелъ Богъ два раза потравить нашими собачками и

*) Перезроекъ.

волковъ, хотя и не на охотѣ, а дома. Первый разъ Кушъ хотя и получилъ добрую трепку, но шкуру унесъ, а другой остался на мѣстѣ.

Домъ, гдѣ жилъ дѣдъ, былъ деревянный, большой и стоялъ на небольшомъ возвышеніи, спустившемся къ рѣчкѣ, за которой былъ лугъ, а дальше поле, засѣянное рожью, въ это время уже дозрѣвавшее. Отъ дому начинался огородъ и по краю его вдоль дороги устроенъ былъ высокій частый плетень.

Какъ-то разъ послѣ обѣда, играя на дворѣ, мы увидѣли волка, который чуть не ползкомъ пробирался по высокой травѣ ко ржи. Собаки были тутъ же на дворѣ. Я живо подхватилъ Пароля подъ переднія ноги, поднялъ и сталъ показывать волка. Скоро собака воззрилась, рванулась у меня изъ рукъ и махнула по капустѣ и картофелю внизъ; остальные борзые, хотя и не видали звѣря, но понеслись за товарищемъ; гончія за ними молча, такъ какъ тоже никого не видѣли. Какъ видно, волкъ поглядывалъ въ сторону дома, потому что, пока собаки шли огородомъ и изъ-за плетня ихъ не было видно, онъ шелъ попрежнему крадучись, но какъ только Пароль перелетѣлъ черезъ плетень, волкъ поднялся на ноги и пошелъ во всю. Однако дѣло его было плохо; вслѣдъ за Паролемъ перескочили остальные борзые, увидѣли волка и понеслись полнымъ ходомъ; черезъ рѣчку перескочили всѣ и стали спѣть къ пріятелю, а гончія, перебравшись черезъ плетень и увидавши врага, заревѣли, что было мочи по зрячему.

Какъ только собаки пошли, мы всѣ трое кинулись по дорожкѣ къ плотинѣ, черезъ которую шла дорога въ лугъ, и хотя бѣжали шибко, но все-таки любовались этой картиной. Волкъ шелъ, не жалѣя ногъ, и наши собачки неслись, точно вѣтеръ и едва касаясь земли. Наконецъ, волкъ добрался до ржи; но только что проскочилъ туда, какъ вслѣдъ за нимъ влетѣли и борзые. Скоро подоспѣли и гончія. Что творилось въ высокой ржи, намъ не было видно, а пока мы добѣжали около версты, дѣло было кончено. На прострѣлахъ нѣсколькихъ квадратныхъ сажень рожь была совер-

шенно выбита; все мѣсто было усыяно клочками шерсти и каплями крови. Собаки лежали всѣ съ высунутыми языками и выбившись изъ силъ, но волкъ ушелъ. Какъ видно, досталось ему крѣпко; но и нѣкоторыя собаки получили отъ него порядочныя хватки, и пришлось бѣдняжечекъ мазать.

Другой случай былъ черезъ годъ послѣ этого. Дѣдъ въ это время отказался отъ управленія послѣ 35 лѣтъ службы, такъ какъ почти кончалъ восьмой десятокъ, и поселился въ своемъ маленькомъ имѣнїи, купленномъ давно на приданое бабушки, первой жены, гдѣ была устроена очень хорошая усадьба. За долголѣтнюю честную службу Б—фы назначили ему до конца жизни все содержаніе, т.-е. жалованье и провизію, которыя онъ получалъ на службу.

Усадьба была обнесена высокимъ бревенчатымъ заборомъ; за домомъ былъ хорошій фруктовый садъ, а за нимъ березовая роща. Противъ дома — дворъ и ворота въ полѣ, куда шла прямая проселочная дорога. По лѣвую ея сторону былъ мелкій березнякъ, а по правую — поле. Вотъ здѣсь и разыгралась сцена.

Мы играли на дворѣ подъ вечеръ, тутъ же были и собаки, лежавшія по двору, гдѣ которой нравилось; а люди возили навозъ въ полѣ. Разстояніемъ около полуверсты отъ воротъ, по опушкѣ березняка возлѣ дороги, ходилъ спутанный Каштанчикъ, верховая лошадь дяди І—фа. Это былъ добрый конекъ кофейной масти, не большого роста, но крѣпкій и хорошій скакунъ; ни въ какую работу его не употребляли. Особаго вниманія мы на него не обращали, но онъ былъ передъ глазами. Вдругъ кто-то на насъ вскрикнулъ.

— Смотрите, братцы, бѣда! Вѣдь къ Каштанчику крадется волкъ!

Мы стали вглядываться и, дѣйствительно, лошадь спокойно пощипывала траву, легонько перескакивая спутанными ногами, а сзади, подлѣ самыхъ кустовъ, къ нему ползкомъ крался волкъ, котораго съ трудомъ можно было разглядѣть. Что тутъ было дѣлать. Кричать? — волкъ не услышитъ. Бѣжать къ нему — не поспѣтъ; пришлось искать по-

мощи у собакъ. Я свистнулъ по-своему и Пароль мигомъ очутился около меня, вертя хвостомъ, думая, что я хочу съ нимъ играть; но я поднялъ его подъ переднія ноги, протянулъ руку въ сторону волка и сталъ тихонько атакать. Остальныя борзья живо повскакали на ноги, и когда разглядѣвшій волка Пароль рванулся впередъ, тѣ помчались за нимъ, а гончія, не зная въ чемъ дѣло, понеслись молча за товарищами. Волкъ занятый крѣпко лошадыю, не оглядывался назадъ и не видалъ надвигавшейся на него грозы. Мы стояли кучкой и, чуть дыша, ждали развязки.

Быстро неслись собачки; разстояніе, видимо, убывало, но все-таки имъ приходилось бѣжать около полуверсты, а волку до лошади — нѣсколько сажень. Наконецъ, волкъ сдѣлалъ прыжокъ и вцѣпился зубами за правую ляжку лошади; та рванулась, волкъ упалъ, но встать на ноги уже не удалось. Подоспѣвшія собаки навалились на него и начали трепать. Тутъ же подоспѣли и гончія, и мы издали видѣли какую-то движущуюся кучу, надъ которой стояла пыль отъ взрывае-мой земли, летѣли комья и палки. Очень можетъ быть, что и этотъ отдѣлался бы отъ собакъ, хотя и съ сильно попорченной шкурой, такъ какъ безъ человѣка собаки рѣдко возьмутъ волка; но на его несчастье въ это время подѣхалъ мужикъ, который возвращался обратно, сvezши навозъ. Увидавъ въ чемъ дѣло, онъ сталъ кричать собакамъ, которыя, услыхавши человѣческій голосъ, еще дружнее навалились на сѣраго, а самъ живо выпрягъ лошадь, снялъ оглоблю и, подбѣжавши къ собакамъ, изловчился хватить волка по головѣ. Собаки придушили, и мужичокъ, взваливъ сѣраго на телѣгу, привезъ на дворъ. А все-таки бѣдному Каштанчику досталось: у него былъ вырванъ кусокъ мяса, насколько волкъ захватилъ зубами. Не скоро заросла рана, а рубецъ остался навсегда.

Разсказывать подробно о нашихъ охотахъ не стоитъ. Да и какія же это были охоты! Вѣдь, во-первыхъ, мы были ребята, а во-вторыхъ, охотились не тогда, когда *слѣдовало*, а когда *могли*, т.-е. только на вакаціяхъ. Можно думать, что насъ брали не на охоту, а, такъ сказать, *для натаски*, какъ мо-

лодыхъ лягавыхъ; и дай Богъ Царствіе небѣсное дядѣ І—фу, онъ *натаскалъ* меня порядочно, такъ что когда послѣ случалось быть и на серьезныхъ охотахъ, мнѣ краснѣть не приходилось, и я оказывался не хуже людей; но и тогда мы безъ зайца домой не возвращались. Что касается удовольствія, испытываемаго на охотахъ тогда и впослѣдствіи, когда приходилось охотиться и бить всякаго звѣря*), то тѣ дѣтскія охоты доставляли его едва ли не больше.

И. Воропай.